

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Научная статья

УДК 343.3

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ КАК ПОТЕРПЕВШИЙ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 277 УК РФ

**Чжан Сяошань, к.ю.н., преподаватель юридического факультета,
Гуандунский университет иностранных языков, Гуанчжоу, Китай,
zhangxiaoshan.gd@icloud.com**

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы трактовки понятия «общественный деятель» в контексте ст. 277 УК РФ. Основываясь на содержании данной нормы, не представляется возможным дать однозначное определение указанного понятия. Судебная практика также этому не способствует, где отсутствуют необходимые уточнения. Поэтому автор обращается к доктринальным основам уголовного права. Федеральное законодательство, регламентирующее деятельность общественных объединений, даёт некоторые представления об общественной деятельности, а значит, и о понятии общественного деятеля. Однако контекст ст. 277 УК РФ не учитывается. Учёные, как правило, рассматривают общественного деятеля в качестве политически активного субъекта, делая акцент именно на политическом значении деятельности, что вступает в некоторые противоречия с Федеральным законом об общественных объединениях, который к общественной деятельности относит, наряду с политической, и иные виды деятельности, значимой для общества. В статье подчёркиваются некоторые позиции, высказываемые в литературе, представляющие интерес с точки зрения трактовки общественной деятельности. В частности, обращается внимание на недопустимость расширительного толкования понятия общественной деятельности. Имеют место и высказывания относительно целесообразности исключения понятия «общественный деятель из УК РФ, что не поддерживается

автором. Излагаются идеи по внесению изменений в УК РФ в части уточнения понятия «общественный деятель».

Ключевые слова: государственный деятель, общественный деятель, политическая система, политический деятель, потерпевший, ст. 277 УК РФ, статус потерпевшего

Статья поступила в редакцию 25.04.2025, одобрена после рецензирования 25.05.2025, принята к публикации 19.06.2025.

Original article

A PUBLIC FIGURE AS A VICTIM OF A CRIME UNDER ARTICLE 277 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Xiaoshan Zhang, Candidate of Law, Lecturer of the Law Faculty, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China

Abstract

The article discusses the interpretation of the concept of "public figure" in the context of Article 277 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the content of this norm, it is not possible to give an unambiguous definition of this concept. Judicial practice also does not contribute to this, where the necessary clarifications are missing. Therefore, the author refers to the doctrinal foundations of criminal law. The federal legislation regulating the activities of public associations gives some ideas about public activities, and therefore about the concept of a public figure. However, the context of art. 277 of the Criminal Code of the Russian Federation is not taken into account. Scientists, as a rule, consider a public figure to be a politically active subject, focusing specifically on the political significance of the activity, which comes into some conflict with the Federal Law on Public Associations, which refers to public activities, along with political, and other activities significant to society. The article highlights some positions expressed in the literature that are of interest from the point of view of

interpretation of social activities. In particular, attention is drawn to the inadmissibility of an expansive interpretation. concepts of social activity. There are also statements regarding the expediency of excluding the concept of "public figure" from the Criminal Code of the Russian Federation, which is not supported by the author. Ideas on amendments to the Criminal Code of the Russian Federation in terms of clarifying the concept of "public figure" are presented.

Keywords: statesman, public figure, political system, political figure, victim, Article 277 of the Criminal Code of the Russian Federation, victim status

Введение

В российском уголовном законодательстве правовой охране отдельных категорий лиц уделяется особое внимание, чему есть определённое правовое и логическое объяснение. Среди таких категорий лиц можно отметить общественного деятеля, личность которого в ст. 277 УК РФ [1] охраняется наравне с личностью государственного деятеля. Однако ни в УК РФ, ни в разъяснениях Верховного Суда РФ не раскрыто понятие общественного деятеля. Другие нормы федерального законодательства тоже ответов на этот вопрос не дают. В литературе же взгляды на вопрос трактовки данного понятия расходятся, что характеризует тему как крайне актуальную.

Основная часть

Говоря о проблематике понимания термина «общественный деятель» в уголовно-правовом контексте в рамках настоящей статьи, не затрагивается вопрос о целесообразности специальной защиты такой категории лиц. Хотя в науке нередко высказываются сомнения о том, насколько целесообразно в качестве потерпевшего выделять данных субъектов [3, с. 230].

Основной акцент здесь делается именно на том, кого же можно включать в категорию общественных деятелей. Из содержания диспозиции ст. 277 УК РФ становится очевидным, что общественный деятель по своему статусу в контексте

уголовно-правовой охраны приравнивается именно к государственному деятелю, что даёт весьма расплывчатые представления о нем.

Признавая указанных субъектов условно равными в плане обеспечения правовой защиты, можно подчеркнуть, что общественный деятель по специфике своего статуса имеет сходство с государственным деятелем. Здесь очевидно наличие весьма значимой политической составляющей, о которой можно судить исходя из расположения ст. 277 УК РФ в числе преступлений против государства.

Соответственно, общественный деятель, так или иначе, имеет связь с существующей политической системой страны. Однако приравнивать общественного деятеля к деятелю политическому, с нашей точки зрения, можно лишь с определённой условностью, поскольку общественная деятельность с политической деятельностью во многих случаях может не иметь никаких связей. Во всяком случае, такой позиции придерживается автор.

Стоит согласиться с А.В. Яшиным в том, что диспозиция ст. 277 УК РФ не вполне чётко сформулирована. И именно это обстоятельство порождает трудности для правоприменительной деятельности, связанной с квалификацией соответствующих деяний [7, с. 59].

П.В. Сеничевой обращается внимание на субъективность, оценочность, размытость самого понятия «общественный деятель», с чем нельзя не согласиться. Более того, данным автором подчёркивается не вполне понятное урегулирование вопроса относительно того, кто и каким образом должен оценивать принадлежность конкретного лица, ставшего потерпевшим, к категории общественных деятелей. Причём подчёркивается, что следователь, прокурор и судья, являясь субъектами правоприменительной деятельности, не имеют права давать какую-либо политическую оценку деятельности того или иного субъекта [6, с. 56]. Данное обстоятельство создаёт ещё больше трудностей в разрешении вопроса о том, принадлежит ли тот или иной гражданин к категории общественных деятелей?

Стоит сказать, что в литературе понятие общественного деятеля, как и деятеля государственного, может рассматриваться и в широком, и в узком аспектах. Причём вопрос о том, какой именно из подходов является надлежащим с точки зрения законодателя, можно считать открытым. В частности, в качестве общественного деятеля может рассматриваться лицо, которое добровольно занимается деятельностью, связанной с обслуживанием политических, культурных, профессиональных нужд общества. В этом проявляется особая значимость его деятельности. Причём именно в этом выражается широкий подход [5, с. 56]. В этом случае политическая составляющая в активности общественного деятеля не является обязательной, однако, она может присутствовать, что не исключает и законодатель, исходя из фактического смысла ст. 277 УК РФ.

В качестве конкретных примеров общественных деятелей С.В. Пичугин перечисляет влиятельных медийных персон, крупных религиозных деятелей, известных писателей, журналистов, ведущих радио и телепередач, певцов, музыкантов, актеров, блогеров, занимающихся благотворительностью лиц, крупных учёных, волонтеров [5, с. 57-58]. Думается, что данный перечень может быть и далее продолжен. Однако интерес в этой связи представляют скорее не конкретные позиции из этого перечня, а сами основания, исходя из которых индивид может быть в такой перечень включён. И такие основания остаются не вполне ясными.

Указанный автор обращает внимание на то, что к категории общественных деятелей в контексте рассматриваемой статьи могут быть причислены как сторонники правящей партии, так и сторонники оппозиционных сил, при обязательном условии: их деятельность должна находиться исключительно в рамках правового поля. Соответственно, лица, деятельность которых запрещена, например, как экстремистская, не могут быть рассмотрены в качестве общественных деятелей в контексте ст. 277 УК РФ. В таком случае покушение

на них указанный автор считает необходимым рассматривать исключительно в контексте ст. 105 УК РФ [5, с. 57-58].

Указанный автор также обращает внимание на наличие непосредственной связи общественной деятельности рассматриваемой категории лиц со сферой политики. Отсюда становится очевидно, что именно политическая активность потерпевшего расценивается как обстоятельство, мотивирующее субъекта преступления на покушение в отношении общественного деятеля. Исходя из этого, данным автором подчёркивается, что научная, культурная, религиозная деятельность, находясь за рамками политической деятельности, в связи с чем покушение на такого рода субъектов не должно квалифицироваться в соответствии с ст. 277 УК РФ [5, с. 58].

Иными словами, основная деятельность общественного деятеля не всегда может быть основанием для его признания именно в качестве общественного деятеля в контексте ст. 277 УК РФ. Но она может рассматриваться как одно из условий, в том числе косвенных. Например, посягательство в отношении деятеля культуры, по мнению упомянутого автора, может быть квалифицировано по ст. 277 УК РФ именно ввиду его политической активности, а не ввиду культурной деятельности. Хотя этот вопрос представляется спорным, как и отнесение к категории общественных деятелей многих субъектов, перечисленных выше.

Примечательно, что А.А. Дегтерёв в своей диссертации указывает на недопустимость расширительного толкования круга потерпевших в контексте ст. 277 УК РФ [3, с. 236]. В то же время законодатель не конкретизирует круг таких лиц. А это означает, что потенциально в рамках правоприменительной практики круг таких лиц может рассматриваться и исходя из расширительного толкования, поскольку правоприменитель фактически оказывается свободен в решении этого вопроса.

Указанный автор, пытаясь очертить круг субъектов, подпадающих под категорию общественных деятелей, отмечает их включённость в руководство

зарегистрированных в России политических партий, общественных объединений, профессиональных и прочих союзов на федеральном или региональном уровне, либо же наличие активного участия в работе такого рода объединений [3, с. 239]. Такой подход к разрешению анализируемой проблемы видится обоснованным, причём и научно, и нормативно, поскольку и работа любых общественных объединений, и работа профессиональных союзов, и работа политических партий носит общественный характер и напрямую не нацелена на извлечение прибыли.

В этой связи нельзя обойти вниманием Федеральный закон от 19.05.1995 N 82-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об общественных объединениях» [2], в ст. 5 которого под общественным объединением понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей.

Исходя из представленной нормы, к общественной можно отнести любую деятельность, которая подпадает под регулирование указанного Федерального закона. И деятельность политических партий является лишь одним из многих видов общественной деятельности. Исходя из этого, не представляется возможным ограничивать понятие общественного деятеля лишь сферой политической. Этот аргумент представляется состоятельным и с учётом фактического смысла ст. 277 УК РФ. Если бы законодатель рассматривал общественного деятеля исключительно в контексте политической деятельности, то в диспозиции данной статьи он упоминал бы не об общественном, а о политическом деятеле.

В контексте изложенного становится спорным вопрос о том, уместно ли относить рядовых сторонников общественного объединения к категории общественных деятелей? Многие исследователи высказываются относительно этого вопроса отрицательно, не признавая общественными деятелями рядовых членов общественных объединений. Также многие авторы к категории

общественных относят деятелей, проявляющих активность на уровне не ниже регионального, на что указывает А.А. Дегтярёв [3, с. 239-240]. Но этот вопрос представляется крайне спорным, ведь законодатель ничего относительно этого аспекта не упомянул ни в УК РФ, ни в каком-то другом источнике федерального законодательства.

Надо сказать, что отдельным исследователям не понятен сам смысл особой уголовно-правовой охраны личности общественного деятеля, в связи с чем высказываются даже идеи о целесообразности исключения такой категории потерпевших из рассматриваемой статьи. Однако особой поддержкой такие идеи не пользуются ни у законодателя, ни у научного сообщества в целом. Более того, отмечается, что подобное решение способно даже ослабить уголовно-правовую охрану российской политической системы, ведь таковая базируется в том числе и на общественных объединениях [3, с. 240].

Признавая важность политической составляющей в контексте общественной деятельности, нельзя не согласиться с А.А. Дегтеревым в том, что такая деятельность базируется исключительно на политике. Рассмотренные выше нормы федерального законодательства об общественных объединениях являются тому подтверждением. То есть политическая составляющая является лишь одной из возможных составляющих, но не обязательной. Хотя нельзя отрицать и наличие определённого политического авторитета у многих общественных деятелей, прямо не задействованных в политике.

Стоит обратить внимание на позицию П.В. Сеничевой, которая включает в категорию общественных деятелей руководителей общественных и иных объединений, в том числе политических, осуществляющих именно политическую деятельность (представители муниципальной власти, кандидаты для избрания в органы власти на всех уровнях – от муниципального до федерального) [6, с. 57-58].

Весьма спорным остаётся вопрос о допустимости признания общественным деятелем в контексте рассматриваемой статьи индивидов,

которые представляют иностранные государства и иностранные общественные объединения. Есть мнения, исходя из которых такого рода лица не должны признаваться общественными деятелями, однако их противники возражают, указывая на возможность уголовно-правовой охраны в рамках ст. 277 УК РФ и тех деятелей, которые способствуют укреплению дружеских связей России с другими государствами [3, с. 238].

Данный вопрос представляется крайне сложным. Но поскольку законодатель не даёт чёткого ответа на него, к категории общественных можно приравнивать и соответствующих иностранных граждан, во всяком случае, автор занимает именно такую позицию. Но, конечно, деятельность соответствующего лица не должна расцениваться в России как нежелательная.

Вместе с тем, сомнение в такой позиции порождает заглавие раздела 10 и главы 29 УК РФ. Поэтому однозначный ответ на указанный вопрос вряд ли можно найти. С одной стороны, посягательство на жизнь иностранного гражданина, пусть и активно занимающегося общественной деятельностью, не является посягательством на конституционный строй. Однако, такое посягательство может быть рассмотрено в контексте обеспечения безопасности государства, а именно как преступление против безопасности государства, которое подрывает дружественные связи России с другими странами, в частности со страной гражданской принадлежности соответствующего потерпевшего. В этом смысле посягательство на жизнь иностранного гражданина, ведущего активную общественную деятельность, в том числе на территории России, нацеленную на укрепление дружественных связей России с другими странами, вполне можно квалифицировать по ст. 277 УК РФ.

С учётом изложенного считаем уместным согласиться с теми авторами, которые в качестве критерия отнесения потерпевшего к категории общественных деятелей предлагают учитывать характер его деятельности, активность, масштабность, значимость для внутренней и внешней политики государства. С подобным видением соглашается, например, Ю.И. Исакова, а

также Е.В. Миллеров, которые, учитывая оценочный характер указанного понятия, предлагает его конкретизировать в примечании [4с. 141-142]. Такое предложение не лишено обоснования, и в рамках настоящей статьи, безусловно, поддерживается.

Трудности для рассмотрения данной проблематики в практическом ключе порождает фактическое отсутствие материалов судебной практики, в которых бы отражалось рассмотрение дела о покушениях на общественных деятелей, с раскрытием соответствующего понятия [5, с. 60].

Заключение

Понятие «общественный деятель» не уточнено ни законодателем, ни Верховным Судом, а потому нуждается в конкретизации. Думается, что для этой цели есть смысл дополнить ст. 277 УК РФ примечанием, раскрывающим рассматриваемое понятие. При этом важно учесть определённые нормативные основания, исходя из которых индивид может быть признан общественным деятелем.

Полагаем, что к категории общественных надлежит относить лицо, состоящее в руководстве любой общественной организации, зарегистрированной в соответствии с законодательством Российской Федерации, осуществляющей на территории Российской Федерации деятельность, не запрещённую законодательно, в том числе на муниципальном, региональном или федеральном уровнях.

К такой категории лиц целесообразно приравнивать и иностранных граждан, также лиц без гражданства, осуществляющих общественную деятельность, нацеленную на укрепление дружественных связей России с иностранными государствами.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об общественных объединениях» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.
3. Дегтерев А.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступлениям против основ политической системы России: дис. ... док. юрид. наук. М, 2022. 407 с.
4. Исакова Ю.И., Миллеров Е.В. Об уголовной ответственности за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 138–144.
5. Пичугин С.А. Общественный деятель как потерпевший в составе преступления, предусмотренном ст. 277 Уголовного кодекса Российской Федерации: вопросы определения и квалификации // Legal Bulletin. 2021. Т. 6, № 3. С. 54-62.
6. Сеничева П.В. К вопросу о содержании понятий «государственный деятель» и «общественный деятель» (в рамках ст. 277 Уголовного кодекса РФ) // Вестник МГОУ. Серия «Юриспруденция». 2014. № 3. С. 55-60.
7. Яшин А.В. Уголовная ответственность за преступления, связанные с посягательством на жизнь отдельных категорий лиц // Теория и практика общественного развития. 2022. № 2(168). С. 56-60.

References

1. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 21.04.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1996. № 25. St. 2954.
2. Federal`ny`j zakon ot 19.05.1995 № 82-FZ (red. ot 28.12.2024) «Ob obshhestvenny`x ob``edineniyax» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1995. № 21. St. 1930.
3. Degterev A.A. Ugolovno-pravovy`e i kriminologicheskie problemy` protivodejstviya prestupleniyam protiv osnov politicheskoy sistemy` Rossii: dis. ... dok. yurid. nauk. M, 2022. 407 s.

4. Isakova Yu.I., Millerov E.V. Ob ugovnojj otvetstvennosti za posyagatel'stvo na zhizn' gosudarstvennogo ili obshhestvennogo deyatelya // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2024. № 2. S. 138–144.
5. Pichugin S.A. Obshhestvenny`j deyatel` kak poterpevsij v sostave prestupleniya, predusmotrennom st. 277 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: voprosy` opredeleniya i kvalifikacii // Legal Bulletin. 2021. T. 6, № 3. S. 54-62.
6. Senicheva P.V. K voprosu o sodержanii ponyatij «gosudarstvenny`j deyatel`» i «obshhestvenny`j deyatel`» (v ramkax st. 277 Ugolovnogo kodeksa RF) // Vestnik MGOU. Seriya «Yurisprudenciya». 2014. № 3. S. 55-60.
7. Yashin A.V. Ugolovnaya otvetstvennost` za prestupleniya, svyazanny`e s posyagatel'stvom na zhizn` otdel`ny`x kategorij licz // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2022. № 2(168). S. 56-60.